

ИРВИН ШОУ

ВЕЧЕР В ВИЗАНТИИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ш81

Серия «Эксклюзивная классика»

Irwin Shaw

EVENING IN BYZANTIUM

Перевод с английского *Т. Перцевой*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Дизайн обложки *А. Курсановой*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств The Sayle Literary Agency
и The Marsh Agency Ltd.

Шоу, Ирвин.

Ш81 Вечер в Византии : [роман] / Ирвин Шоу ; [пер. с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-086588-8

«Вечер в Византии» (1973) — роман, благодаря которому его автор получил мировую известность.

История немолодого и неординарного американского кинопродюсера, на закате яркой карьеры оказавшегося на распутье. Слава и успех — в прошлом, брак распался, дети давно выросли, и будущее видится весьма туманным... У него остался лишь написанный им сценарий фильма, благодаря которому он надеется вернуть веру в собственные силы и вновь окунуться в мир большого кино... Возможно, пришло время переоценить жизнь и взглянуть на нее с другой стороны?

Эта книга о выборе жизненного пути и возможности его изменить, в которой за судьбой отдельного человека просматривается облик целой эпохи. Она и по сей день читается на одном дыхании.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Irwin Shaw, 1973

© Перевод. Т. Перцева, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-086588-8

Посвящается Салке Виртелу

Старомодные, никому не нужные, почти отжившие свой век, эти вымирающие, лишенные власти и могущества бронтозавры в спортивных рубашках от Салки и Кардена восседали за игорными столиками в просторных залах дворцов, возносившихся над вечно изменчивым морем, и сдавали карты, и брали взятки, снова и снова, неумолимо, неспешно, совсем как в те блаженные прекрасные годы в джунглях на Западном побережье, где во все времена года они правили бал в банках и правлениях компаний, особняках в мавританском стиле, французских шато, английских замках, георгианских загородных домах южной Калифорнии.

Время от времени раздавались телефонные звонки; в трубке слышались приветливые почтительные голоса из Осло, Нью-Дели, Парижа, Берлина, Нью-Йорка, и игроки что-то отрывисто рычали в ответ, отдавая приказы, которые несомненно и немедленно выполнялись бы. Только в другое время и в другом месте.

Свергнутые со своих тронов короли, совершавшие ежегодное паломничество, разделившие против собственной воли участь шекспировского Лира и сумевшие сохранить лишь небольшую свиту верноподданных, жившие в пышности и показном блеске, без всякого на то права, они говорили: «Джину». И «шесть без козы-

рей». И раздавали направо и налево чеки на тысячи долларов. Иногда они вспоминали доледниковый период:

— Свою первую работу она получила у меня. Семьдесят пять в неделю. В то время она жила в Долине с парнем, который ставил актерам речь.

Или:

— Он превысил смету на два с половиной миллиона, и нам пришлось через три дня гнать его в шею, а теперь взгляните только! Эти нью-йоркские болваны провозгласили его гением! Полное дерьмо!

И они говорили:

— Будущее за видео.

А самый младший в этой комнате — ему было всего пятьдесят восемь — удивлялся:

— Какое будущее?

И они говорили:

— Пики. Удваиваю.

Ниже, на открытой солнцу и ветру террасе, в семи футах над уровнем моря, более поджарые и жадные до жизни, еще не насытившиеся тоже обменивались мнениями. Гоняя снующих официантов за кофе и аспирином, они говорили:

— Да, совсем не то что в старые добрые деньки.

И еще они говорили:

— В этом году русские не приедут. И японцы тоже.

И:

— С Венецией покончено.

Под летящими облаками, то и дело заслонявшими солнце, вокруг них крутились скользкие на вид, изворотливые молодые люди с лъвятами¹ под мышкой и полароидными камерами в руках. Они льстиво скалились про-

¹ Символ Каннского кинофестиваля. — Здесь и далее примеч. пер.

фессиональными улыбками шлюх, спешивших заманить клиентов.

Но уже на второй день никто, кроме туристов, не обращал внимания на львят. Зато беседа по-прежнему текла плавной рекой.

— «ФОКС» в провале, — говорили они.

И:

— А кто нет?

— Здешний приз стоит миллиона, — говорили они.

— В Европе, — говорили они.

— А чем плоха Европа? — говорили они.

— Эта картина годится только для фестиваля, — говорили они, — а в прокате... зрителей на нее не заманишь.

И они говорили:

— Что будете пить?

И:

— Сегодня идете на вечеринку?

Они говорили на английском, французском, испанском, немецком, иврите, арабском, португальском, румынском, польском, голландском, шведском; говорили о сексе, деньгах, успехах, провалах, обещаниях, сдержанных и нарушенных. Среди них были честные люди и мошенники, сутенеры и сводники, были и порядочные личности. Некоторые были талантливы или более чем, некоторые пронырливы или не слишком. Здесь были прекрасные женщины и восхитительные девушки, красивые мужчины или мужчины со свиными рылами вместо лиц. Камеры непрерывно жужжали, но все притворялись, будто не замечают, что их снимают.

Здесь были люди знаменитые и те, чья слава давно померкла, люди, которые приобретут известность на следующей неделе или в будущем году, и люди, которые так и умрут непризнанными ничтожествами. Люди,

че восхождение только началось, и люди, которые уже катились под гору, люди, с необычайной легкостью добившиеся победы, и люди, несправедливо отброшенные на обочину.

Все они были участниками азартной игры без правил и либо делали ставки безрассудно, полагаясь на удачу, либо потели и дрожали от страха.

В других местах и других собраниях люди науки предсказывали, что через пятьдесят лет море, лизавшее берег перед террасой, превратится в мертвую лужу и существует весьма сильная вероятность того, что это поколение последнее из тех, что имели возможность есть омаров или бросать в почву незараженные семена.

А еще где-то падали бомбы, выбирались объекты для стрельбы в цель, брались и терялись высоты, происходили извержения вулканов и наводнения, готовились войны, свержались правительства, гремела медь военных оркестров и звучали слова поминальных служб. Но здесь, на террасе, в цветущей весенней Франции, весь мир и вся вселенная в течение двух недель сосредоточивались на перфорированных полосках ацетатной пленки, проходивших через проектор со скоростью девяносто футов в минуту, а надежда, отчаяние, красота и смерть развозились по всему городу в плоских, круглых, блестящих жестяных яуфах¹.

¹ Коробка для пленки.

Глава 1

Самолет трясся и дергался, пробиваясь сквозь толщу черных облаков. На западе сверкали сполохи молний. Табличка на французском и английском с просьбой пристегнуть ремни продолжала светиться. Стюардессы не разносили напитков. Вой моторов резко изменил тембр. Пассажиры не разговаривали.

Высокий мужчина, стиснутый в кресле у окна, открыл было журнал, но тут же закрыл. Капли дождя оставляли на плексиглазе длинные, прозрачные, похожие на пальцы призрака следы.

Раздался негромкий хлопок, потом оглушительный треск, словно рвались ярды невидимой ткани. Огненный клубок молнии невероятно медленно прокатился по проходу, оказался снаружи и разорвался где-то над крылом. Самолет дернулся, дрогнул, и двигатель пронзительно взвизгнул.

«Самый подходящий момент, чтобы брякнуться вниз, — подумал мужчина. — И покончить разом со всем, окончательно и бесповоротно».

Но самолет, выровнявшись, прорвался сквозь облака к солнцу и голубому небу. Дама, сидевшая через проход, заметила:

— Подумать только, это уже второй раз в жизни! Такое чувство, будто смерть пронеслась совсем рядом.

Табличка «Пристегните ремни» погасла. Стюардессы деловито толкали по проходам тележки с напитками. Мужчина попросил шотландское виски с перье и стал медленно, с удовольствием пить. Басовито рокоча моторами, самолет стремился на юг, к сердцу Франции, окутанному облачной ватой.

Пытаясь окончательно проснуться, Крейг принял холодный душ, и хотя особых признаков похмелья не испытывал, все же ощущение, что глаза не поспевают за движениями головы, его не оставляло. Как обычно в такие минуты, он давал себе слово весь день воздерживаться от спиртного.

Он наскоро вытерся, не обратив внимания на то, что с волос капала вода. Прохладная влага приятно освежала голову. Завернувшись в широкий белый махровый халат, любезно предоставляемый отелем, Крейг направился в гостиную своего люкса и позвонил, чтобы принесли завтрак. Накануне, ложась спать, он разбросал одежду по комнате, перед тем как выпить последнюю порцию виски, и теперь смокинг, крахмальная сорочка и галстук, донельзя смятые, валялись на стуле. Недопитый стакан с виски покрылся прозрачными капельками. Рядом стояла открытая бутылка.

Он взял почту из ящика, висевшего на внутренней стороне двери. Газета «Нис-матэн» и пакет с письмами, пересланными секретарем из Нью-Йорка. Одно от бухгалтера. Другое от адвоката. Месячная биржевая сводка от брокеров.

Он уронил нераспечатанные конверты на стол. Судя по тому, что творится на рынке ценных бумаг,

маклерский отчет — скорее всего просто глас вопиющего в пустыне. Бухгалтер наверняка прислал весть о поражении Крейга в нескончаемой войне с налоговым ведомством. А послание адвоката, несомненно, касается жены. Все это вполне может подождать. Пожалуй, сейчас еще слишком рано, чтобы забивать голову мыслями о брокере, адвокате, бухгалтере и жене.

Он проглядел первую страницу «Нис-матэн». Сообщения телеграфного агентства о вводе дополнительных войск в Камбоджу. Рядом с камбоджийским репортажем — снимок итальянской актрисы, очаровательно улыбавшейся на террасе отеля «Карлтон». Несколько лет назад она получила приз в Каннах, но, судя по улыбке, на новую надежду не питает. Еще одно фото: президент Франции месье Помпиду в Оверни — заверяет молчаливое большинство французского народа, что страна отнюдь не находится на грани революции.

Крейг бросил газету на пол, как был босиком, пересек устланную коврами комнату с высокими потолками, обставленную в стиле уже несуществующей русской аристократии, и вышел на балкон, с которого открывался вид на Средиземное море, плескавшееся за бетонными ограждениями набережной Круазетт. Три американских десантных судна, стоявшие в заливе, ночью снялись с якоря и ушли. Дул сильный ветер, море казалось серым и взъерошенным и катило волны, увенчанные белыми барашками. Уборщики уже вычистили граблями песок и убрали надувные матрасы. Свернутые зонты трепетали на ветру. Рассерженный прибой с гулким шорохом накатывал на берег. Какая-то храбрая толстуха, не обращая внимания на приближение шторма, купалась прямо напро-

тив отеля. Крейг подумал, что погода сильно изменилась с тех пор, когда он в последний раз был здесь.

Тогда стояла осень и сезон уже кончался. Индейское¹ лето на побережье, никогда не знавшем индейцев. Золотистые туманы, осенние цветы приглушенных тонов. Крейг вспомнил Канны тех лет, когда розовые и янтарно-желтые особняки, утопавшие в зелени садов, возвышались вдоль набережной. Теперь же безвкусные, аляповатые многоквартирные дома с оранжевыми и ярко-синими маркизами над балконами уродовали побережье. Города, словно сказочная змея, пожирающая собственный хвост, имеют пагубную тенденцию к саморазрушению.

В дверь постучали.

— Entrez², — отозвался он, не оборачиваясь и по-прежнему не отводя взгляда от моря. Нет нужды указывать, где поставить столик. Он пробыл здесь уже три дня, и официант знает его привычки.

Но, вернувшись в комнату, он увидел вместо официанта незнакомую девушку. Невысокая, пять футов и три, возможно, четыре дюйма, машинально прикинул он. Серая трикотажная спортивная футболка, куда могут влезть трое таких, как она. Рукава, казалось, рассчитанные на лапищи баскетболиста, открывали худенькие загорелые запястья. Футболка, доходившая почти до колен, свободно болталась над выдавшими виды помятыми и выцветшими голубыми джинсами в подозрительно белесых пятнах. На маленьких ногах старые босоножки. Длинные неухоженные каштановые волосы, местами выгоревшие

¹ У нас — бабье лето.

² Войдите (*фр.*).

на солнце, свисали ниже плеч неровными спутанными прядями. Узкое с острым подбородком лицо; огромные солнечные очки, скрывавшие глаза, придавали ей забавный вид мультяшной совы. Общий вид несколько нарушала итальянская кожаная сумка-мешок с элегантными медными пряжками, чересчур шикарная для такой оборванки. При виде Крейга девушка неуволимо опустила плечи и сгорбилась. У него неожиданно возникло ощущение, что, если внимательно присмотреться, можно обнаружить, что она уже неделю не мыла ноги, по крайней мере с мылом.

«Американка, что с нее взять», — подумал он с типичным высокомерием шовиниста наизнанку, и тут же завернулся в халат. Это не имевшее пояса одеяние отнюдь не предназначалось для посторонних глаз. Малейшее движение — и все вылезает наружу.

— Я думал, что это официант, — бросил Крейг.

— Мне необходимо было вас застать, — пояснила девушка. Выговор американский, можно даже сказать, всеамериканский: не поймешь, откуда она.

Внезапное раздражение охватило его. В комнате черт ногу сломит, да тут еще эта девица ворвалась без приглашения.

— Обычно люди звонят, перед тем как явиться в гости, — проворчал он.

— Я боялась, что, если позвоню, вы откажетесь со мной говорить.

О господи, одна из этих!

— Почему бы не начать по новой, мисс? — холодно осведомился он. — Не спуститься вниз, не назвать портье свое имя, не подождать, пока он позвонит в номер, и...

— Но я уже здесь.

Похоже, она не из тех восторженных, вечно улыбающихся дурочек поклонниц, готовых растаять перед каждой знаменитостью.

— И сама могу представиться. Моя фамилия Маккиннон. Гейл Маккиннон.

— Мы где-то встречались?

В таких местах, как Канны, все возможно.

— Нет, — покачала она головой.

— Вы всегда вламываетесь к людям, когда они не одеты и еще не успели позавтракать?

Крейг неловко поехался, судорожно сжимая полы халата, то и дело норовившие распахнуться, смаргивая падавшие с волос капли. Черт, она наверняка успела заметить поросль седеющих завитков на его груди и бардак в комнате!

— У меня важное дело, — сообщила девушка. До сих пор она не попыталась подойти к нему, но и не отступала. Просто стояла как вкопанная, шевеля большими пальцами ног.

— У меня тоже дела, юная леди, — парировал Крейг, еще острее чувствуя, как неприятно липнут ко лбу мокрые волосы. — Я намеревался спокойно позавтракать, прочитать газету и в тишине и спокойствии подготовиться к ужасам грядущего дня.

— Не будьте занудой, мистер Крейг. Ничего плохого я вам не сделаю. Кстати, вы один?

Она многозначительно кивнула на приоткрытую дверь спальни.

— Моя дорогая юная дама...

«Тон у меня, как у девяностолетнего старикашки», — досадливо подумал он.

— Видите ли, я следила за вами, — пояснила она, — целых три дня, и за все время вы сюда ни разу никого не привели. То есть ни одну женщину.

Она украдкой оглядела комнату, и Крейг не преминул заметить, что ее взгляд чуть дольше, чем надо, задержался на лежавшем на письменном столе сценарии.

— Кто вы? — нехотя поинтересовался он. — Детектив?

Девушка улыбнулась, или, вернее сказать, раздвинула губы в улыбке. Определить, что при этом выражали скрытые очками глаза, было невозможно.

— Не бойтесь, — заверила она, — я кто-то вроде журналиста.

— Увы, Джесс Крейг — это вчерашний день. Ничего нового в этом сезоне, мисс. Желаю хорошо провести время, и прощайте. Он шагнул к двери, но девушка не шевельнулась.

В дверь снова постучали, и на пороге возник официант, принеший поднос с апельсиновым соком, кофе, круассанами, тостами и маленький раскладной столик.

— Bonjour, m'sieur et'dame¹, — приветствовал он, скользнув взглядом по девушке.

«Французы, — подумал Крейг. — Умеют же с совершенно невозмутимым видом залезть женщине глазами под юбку!»

Отлично понимая, какое впечатление произвел на официанта наряд девушки, Крейг отчего-то с трудом поборол желание стереть его с лица земли за этот плотоядный взгляд. Как ему хотелось бесстыдно выкрикнуть: «Неужели ты думаешь, что я не способен найти себе кого-нибудь получше?!»

— Я думать, завтрак один, — заявил официант на ломаном английском.

— Я заказывал один завтрак, — подтвердил Крейг.

¹ Добрый день месье, мадам (*фр.*).